

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-48

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *Е. Околицыной*

Редактор серии *А. Антонова*

Черкасова, Надежда Анатольевна.

Ч-48 Поцелуй меня крепче / Надежда Черкасова. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Сердце пополам. Детективные романы Н. Черкасовой).

ISBN 978-5-04-108538-4

Однажды королева гламурного мира столицы, богатая и знаменитая Мила Миланская, просыпается не в своей квартире в центре Москвы, а в бревенчатой избушке посреди тайги. Она не помнит, как попала в монашеский скит, и не узнает тех, кто рядом с ней. Она потеряла все: прежнюю жизнь, свое имя, даже воспоминания! Перед Милой встал выбор: похоронить себя в глуши или усвоить суровые жизненные уроки и возродиться к новой жизни...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108538-4

© Черкасова Н., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Однажды Чжуан-цзы приснилось, что он — бабочка. Бабочка весело порхала, не ведая, что она Чжуан-цзы. Когда же Чжуан-цзы проснулся, то не мог понять: снилось ли ему, что он — бабочка, или это бабочке теперь снится, что она — Чжуан-цзы?

Притча китайского философа

IV века до н.э.

Чжуан-цзы

Глава 1

СТРАХ ВХОДИТ БЕЗ СТУКА

Мила лежала с закрытыми глазами и ждала момента, когда ей самой захочется проснуться. Пока же с удовольствием витала между сном и пробуждением, вспоминая соблазнительные измышления Морфея. Она знала: если сразу не вставать, а немного понежиться, притворяясь, что все еще спишь, то приснившееся воссоздается со всеми подробностями.

А сон и в самом деле необыкновенно прекрасен. Она плывет в открытом морском просторе на своей белоснежной яхте и любит закатом. Рядом с Милой на двухместном шезлонге под парусиновым тентом расположился знойный голубоглазый мачо, не спускающий с нее вожделенного взгляда, обещающего все наслаждения мира. Яхта мчится вперед, рассекая пенистые волны и уютно покачиваясь, словно колыбель младенца. Солнце уходит на покой прямо в море, расцвечивая его красновато-золотистыми отблесками. И вот огромный красный диск светила почти скрывается за горизонтом, плавно соскальзывая с неба в бескрайние воды. Вечерняя заря окрашивает небосклон во все цвета радуги.

Подобного совершенства красоты природы Миле видеть не приходилось. Как хорошо, что она решилась на это морское путешествие, оставив на время за бортом заботы и проблемы, многочисленных ненавидящих

ее и желающих зла, а также бурную светскую жизнь, стремление властвовать и подчинять своей воле! Королеве ведь тоже иногда нужен отдых. Правда, совсем непродолжительный. Чтобы ненароком не заняли ее королевский трон: непредсказуемый светский мир с его волчьими законами так непостоянен. Однако здоровье дороже всего на свете, поэтому даже самые неотложные дела подождут... можно повременить.

И вот уже не нужно строить по собственной линейке и распекать работников, некомпетентность, леность и непрофессионализм которых весьма раздражают. С какими только бездарями не приходится работать, общаться и проводить свой досуг! А что делать? Положение обязывает. Вот и терпишь их возле себя, любимой. Правда, с терпением у Милы большой напряг. Слишком часто приходится менять свое окружение. Но самое неприятное, что освободившиеся места занимают такие же посредственности. Совсем разучились людишки работать. Им только плетка помогает. Никакой ответственности, ни малейшего творческого запала. Ах, как же она устала!

Может, бросить все и действительно махнуть в какое-нибудь увлекательнейшее путешествие? Иначе и в самом деле кого-нибудь прибьешь ненароком, руки так и чешутся. Жаль, что оставить вместо себя никого: никому-то она, умница-разумница, не доверяет.

Мила даже пожалела, что позволила своему деятельному уму порассуждать о действительности. И как теперь сосредоточиться на воспоминаниях о молодом красавце с фигурой Аполлона, об очаровательном закате, успокаивающем плеске волн за бортом, чувстве умиротворения, блаженстве и уверенности, что все для нее складывается как нельзя лучше? Придется вставать и идти руководить этими...

Притворно-обреченно вздохнув и открыв глаза, Мила запнулась на полумысли, так как взгляд уперся в стену из неотесанных бревен, щели между которыми лохматились клочьями пакли. Мила повернула голову и растерянно оглядела небольшую комнатку с низким потолком, живо напомнившую декорацию спектакля, недавно просмотренного ею в Малом театре: печка-голландка, рядом сундук и табурет, над ними полка со старинным трехстворчатым складнем да небольшая деревянная кровать, на которой она лежит, а еще оконце, завешенное занавеской и напоминающее бутафорское.

«Где я? Что со мной? — метались тревожные мысли, не находя выхода из абсурдной нелепости. — Может, я еще сплю? Тогда какого черта: что за нищенский антураж? Мне никак не могут сниться подобные сны! — Милу охватило злобное негодование: — Что за дикость! Никто не смеет со мной обращаться подобным образом!»

Она попыталась вскочить с кровати, но лишь мысленно, так как не смогла даже шелохнуться. Мила взбеленилась: хорошие шутки — когда их разыгрываешь с другими ты сама, и весьма отвратительные — когда разыгрывают тебя. Ничего-ничего, она сейчас тоже с кем-то очень крепко пошутит, и им будет совсем не до смеха. Попадись только кто на пути — уничтожит, даже глазом не моргнет!

Однако кровопролитие пришлось отложить. Мила вдруг осознала, что, как ни пытается, не может пошевелить даже пальцем, которого не ощущает. Впрочем, как и всего тела. Она притихла, прислушиваясь к себе, но никаких признаков наличия у себя земной оболочки не обнаружила. Мила могла думать, поворачивать голову, даже приподнимать ее с подушки, но тело в его фи-

зических ощущениях словно отсутствовало. Она собралась с духом и приложила невероятные усилия, чтобы разглядеть то, что скрывалось от глаз под стареньким лоскутным одеялом, которым была укрыта по самую шею, но бесформенное нагромождение тряпья ничего не прояснило, а многочисленные старания заставить хотя бы руки-ноги реагировать на ее желания ни к чему путному не привели.

После очередной неудачной попытки подняться она со стоном опустила голову на подушку. Хорошо еще, что стонать в состоянии. А говорить? Мила откашлялась, чтобы прочистить горло, и попыталась вымолвить хоть слово. Но язык словно гиря, которую не сдвинуть с места. Значит, говорить она тоже не в состоянии. Это еще одно доказательство: Мила просто спит. Вот и хорошо, а то она уже паниковать начала... Хотя что ж тут хорошего, если ее сон так подозрительно смахивает на явь? О, боже, неужели она попала в аварию!

Мила почувствовала, как закружилась голова. А если теперь она калека! Нет, только не это! Ее охватил такой ужас, что в глазах потемнело, и она мгновенно провалилась в глубокий омут беспомощности...

Очнувшись внезапно, как от толчка, и сердце от ужаса сжалось в комок: сон-явь продолжался. Она шевельнулась и поняла, что может двигаться. Осторожно села в кровати, спустив ноги на дощатый пол, и закрыла глаза, ожидая, пока пройдет головокружение.

«Вот сейчас я снова усну и проснусь в своей огромной роскошной кровати с шелковыми простынями, в своей великолепной квартире в самом центре столицы...» — пыталась она уцепиться за последнюю надежду.

«Или не проснешься», — подсказал ошарашенный ум, не менее хозяйки пораженный увиденным.

«Может, без намеков обойдемся?» — вяло думала Мила, а страх уже хозяйничал в душе, рисуя картины одну страшнее другой.

«Обойдешься-обойдешься, — пустился в рассуждения ум. — Наломала дров, а теперь в кусты? Отвечать — кто будет?»

«Какие еще кусты?! — возмутилась Мила. — Давай думай, что теперь делать? Сон это или что — можешь мне ответить?»

«Или что!»

«Это как же понимать?»

«Да как хочешь, так и понимай. Каков вопрос — таков ответ».

«Ты меня с ума сведешь своими дурацкими выходами».

«А чего тебя сводить-то? Ты и так сумасшедшая».

«Заткнись, наконец!»

«Я-то заткнусь, а вот что будешь делать ты?» — не унимался ум.

«Уж как-нибудь обойдусь без твоего ехидства».

«Ну-ну! Никак, на подсознание надеешься?» — ревниво поинтересовался он.

«Надеюсь! А теперь умолкни, без тебя обойдусь».

«Да ты уже давно без меня обходишься: зачем дура ум-то?»

Нет, этот паршивец своей самоуверенностью и пренебрежительно-снисходительным отношением к ней когда-нибудь точно ее доконает. Мила открыла глаза и, осознав, что для подъема сил пока недостаточно, снова прилегла.

Вдруг она услышала, как кто-то вошел в соседнюю комнату, осторожно, словно крадучись, приблизился к двери и теперь стоял за ней, словно прислушиваясь.

Мила затаила дыхание от ледящей души мысли: да это же они, ее похитители! Она замерла от ужаса, боясь шевельнуться.

Неожиданно дверь медленно и бесшумно начала открываться. В следующее мгновение Мила уже лежала, с головой укрытая одеялом, и представляла, как ее бедное сердце превращается в маленькую песчинку и исчезает. Вот бы и ей отсюда исчезнуть!

Между тем некто постоял в проеме двери, тяжело дыша, и Мила услышала удаляющиеся от двери шаркающие шаги. Она перевела дух. И чего так пугаться, ведь это лишь сон. Страшный, конечно, но ведь и она, Мила Миланская, известная стерва и дебоширка, просто так, без боя, тоже не собирается сдаваться... наверное.

Из-за приоткрытой двери раздались приглушенные голоса, и Мила, осторожно высунув голову из-под одеяла, прислушалась, интуитивно понимая, что ей нужна хоть какая-то информация, которая может пролить свет на происходящее. Она немного расслабилась, надеясь, что ситуация немедленно прояснится, но лучше все же проснуться. Однако щипать себя не стала, так как измученное болью тело и так ныло не переставая.

Тем временем неизвестные в соседней комнате тихо переговаривались, не предпринимая попыток войти в комнату. Вытянув, как гусыня, шею и наострив уши, Мила старалась не пропустить ни слова.

— Алешенька, голубчик, садись вот тут, за стол, я тебя пирогом угощу. Люсенькиным, любимым, — журчал ручейком ласковый женский голос.

И Мила явственно ощутила запах яблочного пирога, пробравшийся в комнату через полуприкрытую дверь. Она почувствовала, как засосало под ложечкой от голода, и слотнула горькую слюну.

— Век буду за тебя Богу молиться. Если бы не ты, пропала бы Люсенька, внученька моя ненаглядная, в этой тайге проклятушей. Почитай два дня искали. Думала, что уже и не увижу больше сердечную. От голода и холода ведь могла помереть. Или зверь какой...

«Ничего себе! Я тут загибаюсь после аварии, а они даже не придут и не посмотрят. Может, я уже концы отдала! — злилась Мила. — Вместо того чтобы «Скорую» для меня вызвать, о какой-то Люське беспокоятся, которая где-то там в какой-то тайге заблудилась. Они у меня сейчас забегают, засуетятся! Я им покажу, кто миром владеет и правит!»

Она попыталась встать, но головокружение словно приковало ее к кровати.

«Да что они — совсем звери? Мне же помощь нужна, скорая и немедленная! Почему никто не бежит спасать меня, избавлять от боли? Почему никому до меня нет никакого дела? Звезда я или кто, в конце-то концов?»

— Сколько же она страху-то натерпелась, горемычная. И так уж умом-то слабенькая, а тут такая напасть. Это я, старая, виновата, недоглядела. Годы-то уж не те, не успеваю за ней уследить. Она у меня ведь как вихрь: так быстро со всеми делами управляется, что за ней не угонишься. И быстро решения принимает. — Раздался тяжкий вздох. — Не думает совсем. Что у нее в голове? Трудно мне с ней стало. То вроде спокойная-спокойная, я так даже и сердцем отойду, тоже успокоюсь. А потом вдруг сразу раз — и давай концерты устраивать. Да ты, Алешенька, ешь пирог-то. Вот я тебе кусок побольше отрезала, вкусный получился, как Люсенька любит — с яблоками и медом. У нас ведь сегодня вроде как праздник. Вроде как еще один день рождения: живой Люсеньку нашли. — И старушка всхлипнула.

— Степанида Макаровна, да вы не плачьте, все же хорошо закончилось, — уверенно произнес мужской голос. — Теперь я буду помогать вам приглядывать за ней. Раз нашел, можно сказать — спас, значит, теперь тоже отвечаю.

«Бархатистый баритон», — невольно отметила Мила и удивилась, что в подобной ситуации способна еще обращать внимание на какой-то там голос. Но она действительно никогда прежде не слышала столь приятного, что тут такого странного? «Нет, у истинного злодея никак не может оказаться такого приятного голоса! Интересно, каков он внешне?» — Мила вдруг на какой-то миг забыла о себе, что случилось крайне редко и было даже почти нереально для нее.

Разлюбопытдившееся не на шутку воображение уже лихо рисовало образ обладателя чарующего голоса: высокий, крепкого телосложения, темноволосый, внешне грубоватый, но внутри — ах, как хотелось бы! — добрый, ласковый и нежный. Очень уравновешенный, мужественный и ответственный. В общем — настоящий мужчина. «Не иначе как сам Алеша Попович — русский богатырь!» — не удержалась от ехидства Мила.

— Да ты давно ли в этих глухих краях, надолго ли? — спросила старушка.

— Второй год пошел. Решил еще на годик задержаться... А пирог-то у вас знатный получился, никогда такого вкусного не ел, — явно перевел разговор приятный баритон.

«Интересно, когда же кто обо мне-то вспомнит? Они хоть знают, что я тут лежу после аварии и нуждаюсь в помощи врача? Я вообще здесь или меня здесь нет?» — выходила из себя Мила, возмущенная просто неслыхан-

ным к ее важной персоне равнодушием. Может, они и понятия не имеют, кто она?

— Не переживайте так за внучку. Вот поживет здесь немного — и привыкнет. Тайга суровая, но справедливая. Очистит и разум, и тело, все по своим местам расставит, — успокаивал старушку баритон.

«Нет, ты не Алеша Попович. Ты — чудовище! Тут лежит и страдает королева великосветского мира, наисветлейшая светская львица, олицетворение женственности и обаяния. Он же, чурбан неотесанный, аристократические беседы с какой-то старушенцией разводит. А меня, вселенскую диву и умопомрачительную знаменитость, оставляет без какого-либо внимания и помощи. Каков негодай! Вот точно — он стар, уродлив и... у него голова набита соломой!» — заключила мысленно Мила, так как возникшее вдруг, словно ниоткуда, женское любопытство к этому еще невидимому, но уже заинтересовавшему ее всего лишь по необычному тембру голоса представителю мужского сословия осталось неудовлетворенным.

— Надо же Люсеньку будить. Пирог стынет, а она любит горяченький, — засуетилась старушка.

«Ну вот, опять она про свою Люську! Свет клином, что ли, на ней сошелся? Что там за Люсенька такая? И где она? Лежит, наверное, в соседней комнате и ждет своего любимого пирога. Кстати, моего любимого тоже. Коза драная! В тайге она, видите ли, заблудилась! А на кой ляд вообще туда поперлась, дура безмозглая?.. Интересно, сколько этой ненормальной лет и как она выглядит? Наверняка какая-нибудь дурочка деревенская», — думала, сочась злобой, Мила, и маленький червячок ревности шевелился где-то там внутри: она ненавидела конкуренцию в любом ее проявлении, так как привыкла быть единственной и неповторимой.